
ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Р. Р. Вахитов

**Структурализм умер.
Да здравствует структурализм!
О книге Натальи Автономовой
«Открытая структура.
Якобсон-Бахтин-Лотман-
Гаспаров». — М., 2009.**

Новая книга известного российского исследователя структурализма философа и филолога Натальи Автономовой носит нарочито провокационное название. Очевидно, открытая структура есть противоречие в определении. Логика подсказывает, что структура как некая оформленность предполагает закрытость, наличие границы, отделяющей то, что внутри структуры от того, что вне ее. Так, замечает Автономова, и воспринимали и зачастую продолжают воспринимать структурализм большинство представителей гуманитарного знания — как апологию жестких рационалистичных статичных схем. Отсюда и признание закономерности постструктуралистской критики структуры, и провозглашение смерти структурализма, ведь практика показывает, что «живую жизнь» культуры не втиснуть в «прокрустово ложе» таких схем.

Однако Н. Автономова возражает против этой односторонней трактовки структуры. Ведь граница по определению соединяет два разных места, принадлежа одновременно и тому, и другому, это значит, структура столь же открыта, сколь и закрыта. Более того, еще Гегель замечал, что граница между точками только и делает возможным движение (ведь в противном случае мы получим лишь тело, каждое мгновение находящееся, то есть

покоящееся в определенной точке). Отсюда ясно, что открытая структура также и динамична. Этот вывод делает ненужной постструктуралистскую революцию (точнее, если пользоваться терминами упомянутого Гегеля, «снимает» ее, пока она не успела начаться). И значит, он автоматически делает несколько преждевременным заявление о смерти структурализма. Напротив, структурный подход, только обновленный, освобожденный от того схематизма и механистичности, который был привнесен в структурализм французскими мыслителями (Барт, Леви-Строс, Фуко, Альтюссер и др.), слишком увлекшимися полемикой с антропоцентристско-гуманистической традицией, может и должен, по мысли Н. Автономовой, стать новой парадигмой гуманитарных наук. Привлекательность структурализма как такой парадигмы Автономова обосновывает двумя тезисами. Во-первых, обновленный структурализм в отличие от постмодернизма сохраняет верность идеалу научности, который так необходим для многих гуманитарных наук, которые на сегодняшний день разъела ржа релятивизма. В сущности ведь, если естественные науки есть науки об объектах, которые ничего не значат, а просто существуют, то гуманитарные науки — это науки о знаковых системах (от истории до языка) и таким образом, если естественные науки изучают закономерности, то гуманитарные — структуры в специфическом смысле, который был раскрыт еще у Якобсона и Барта. И, во-вторых, научное исследование структуры открывает возможность для междисциплинарных исследований, о которых так много сегодня говорится, но которые так редко встречаются (конечно, если под ними иметь в виду не эклектику, а методологически отрефлексированное объединение усилий различных наук). Согласно Автономовой, если подойти к вопросу серьезно, то мы выйдем тут на проблематику перевода в наиболее общем, семиологическом смысле.

Эти два сюжета определили героев книги: Якобсон, Бахтин, Лотман, Гаспаров. Их, по мысли Автономовой, объединяет стремление сделать филологию, так сказать, более точной наукой, использование в той или иной мере структурального метода и, наконец, тяготение к философии. Конечно, фигура

Бахтина здесь стоит особняком, мы бы даже сказали, выглядит несколько двусмысленно. Особенно, если учесть его удаленность от структуралистских штудий и вообще от строгого рационализма, недаром же именно с линией Бахтина и связывают ту необязательность и субъективность в литературоведческих исследованиях, которую Автономова справедливо критикует. Она и сама приводит многочисленные высказывания М. Л. Гаспарова, который и упрекал Бахтина в релятивизме и иррационализме и даже отчасти соглашается с ним, но оправдывает присутствие Бахтина в этой четверке тем, что он должен выполнять роль «провокатора», предмета для критики и одновременно генератора новых «неудобных» тем. Вместе с тем нам представляется, что все же Бахтин в этом ряду — лишний, а вот фигура А. Ф. Лосева как раз хорошо бы вписалась в данную традицию. Лосев был сторонником точных методов в гуманитарном знании (чего стоит одно его исследований терминов у Платона), он в своей философии имени и мифа связал филологию и философию практически генетически, на уровне онтологии, правда, к структурализму Лосев относился с легкой долей отторжения, но ведь опять-таки это — французский, субъективистский и антиантропологический структурализм, который и сама Автономова упрекает в односторонности, противопоставляя ему структурализм славянский, «синхронически-диахронический» (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон).

Еще один легкий недостаток книги, на наш взгляд — слишком жесткое противопоставление структурализма и евразийства (вплоть до утверждения, что в годы разработки лингвистического структурализма Н. С. Трубецкой якобы не был евразийцем, что опровергается самими фактами, например, сотрудничеством позднего Трубецкого в пражских «Евразийских тетрадах»). Да и в самом его евразийстве явно проглядываются следы если не структурального метода, то «структуралистского мышления», причем везде — от анализа тюркской культуры до исследования произведения Афанасия Никитина.

Вместе с тем общий пафос книги Н. Автомоновой нам очень близок. Автор этих строк является участником семинара «Третье литературоведение», который видит свою задачу в

выработке новой парадигмы литературоведения, которая была бы альтернативой и позитивистскому обожествлению факта и постмодернистскому релятивизму. В этом плане использование структуральных методов, особенно, в обновленном виде, о чем и пишет Н. Автономова, вполне оправдано и сулит немалые перспективы.

Уфа

Рустем Ринатович Вахитов – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии и науки Башкирского государственного университета.